

Людмила Макарова

A hand is shown holding a boomerang against a bright blue sky filled with white, fluffy clouds. The boomerang is painted with vibrant Aboriginal-style artwork. It features a central figure that resembles a lizard or a snake, surrounded by intricate patterns of white dots and lines. The colors used include red, black, white, and blue. The boomerang is curved, and the hand is positioned at the bottom, gripping it. The overall composition is dynamic and visually appealing.

«Бумеранг»

Рассказы про Митю Булочкина

Людмила Макарова

**Бумеранг. Рассказы
про Митю Булочкина**

«Издательские решения»

Макарова Л.

Бумеранг. Рассказы про Митю Булочкина / Л. Макарова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900988-3

В книгу вошли три рассказа «Сладкое спасение», «Бумеранг» и «Скелет из шкафа». Молодой актёр, Дмитрий Булочкин, приехал в Москву, чтобы сниматься в рекламных роликах агентства «Полосатая Зебра». Его первый рабочий день закончился даже не начавшись, потому что женщина-гримёр, увидев его, упала в обморок, а лучший друг умер у него на глазах. Жизнь показала, что не надо хранить скелеты в шкафу, так как со временем всё тайное становится явным. А плохое, как и хорошее, всегда возвращается бумерангом.

ISBN 978-5-44-900988-3

© Макарова Л.
© Издательские решения

Содержание

Сладкое спасение	6
Бумеранг	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Бумеранг

Рассказы про Митю Булочкина

Людмила Макарова

Дизайнер обложки Лионелла Чернышова

Редактор Лионелла Чернышова

© Людмила Макарова, 2019

© Лионелла Чернышова, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4490-0988-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сладкое спасение

Молодой человек двадцати пяти лет, Митя Булочкин, сидел на кухне и жевал бутерброд с докторской колбасой. Перед ним стояла его любимая кружка с рыжим облизывающимся котом, в которой уже остыл чай.

Он только что закончил говорить по телефону со своим другом Мирославом Веригиным, который ещё в марте уехал в Москву, а теперь звал его приехать в свою съёмную комнату в двушке на окраине Москвы.

Мирослав удачно устроился системным администратором в рекламном агентстве и, зная о материальных трудностях Мити, предложил ему сниматься в рекламных роликах.

Дела в театре, где служил молодой актёр Дмитрий Булочкин, шли не очень хорошо, если не сказать, что совсем плохо. За последний год Дмитрий не сыграл ни одной существенной роли, а выходить на сцену дважды за спектакль с малозначительными репликами и получать за это гроши, он больше не имел права.

Дружная семья Булочкиных проживала в небольшом провинциальном городе Прокопьевске, который находился над угольными шахтами Кузнецкого бассейна.

Семён Булочкин, отец Мити, раньше работал на шахте, но заболел силикозом лёгких и вскоре умер. Мать пережила его на три года и оставила белый свет тихо на рассвете. Дмитрию тогда только исполнилось пятнадцать, а его младшей сестре Марине пять лет. Опекунками детей стали бабушка и дедушка, родители отца Мити и Марины.

На первый взгляд, Марина была обычным ребёнком, но иногда уходила в себя и не хотела ни с кем общаться. Она могла неделями молчать, а потом как будто приходила в себя, играла, разговаривала, но через некоторое время опять замыкалась и замолкала.

Соседи и учителя очень сочувствовали этой семье и помогали, чем могли.

Елена Эдуардовна Гончарова, классный руководитель и учитель русского языка и литературы Дмитрия Булочкина, посоветовала ему после девятого класса поступать в местный колледж искусств имени Александра Островского. Так как Митя неплохо играл все главные роли в школьном драмкружке и завоёвывал первые места по литературе на всех областных и районных олимпиадах.

В колледж Митя поступил без труда и успешно его закончил. По распределению он попал в местный драмтеатр имени Ленинского комсомола. Но, даже в провинциальном театре есть свои примы, любимчики публики и худрука театра. А у молодого актёра Дмитрия Булочкина, кроме его молодости, смазливой внешности и красного диплома ничего другого не было.

Митя доел бутерброд и пошёл собирать вещи. Наспех написав записку деду и бабушке, которых не было дома, потому что они повели Марину на занятия к психологу, он взял часть денег из семейной шкатулки и, оглядев напоследок любимый дом, отправился на вокзал.

Москва встретила его по-июльски тепло и даже не дала заблудиться в лабиринтах метро, поэтому скоро Дмитрий стоял перед железной дверью, обтянутой чёрным дерматином возле метро Новогиреево.

Пока Митя завтракал на маленькой кухне съёмной квартиры, Мирослав, сидя на подоконнике открытого окна, посвящал друга в тонкости работы рекламного агентства, где Дмитрию Булочкину уже сегодня предстояло приступить к творческой деятельности.

Рекламное агентство «Полосатая Зебра» находилось всего лишь в получасе езды на метро.

Заполнив необходимые бумаги в отделе кадров, и немного пофлиртовав с молоденькой секретаршей Ниночкой, Дмитрий направился в павильон номер три.

Там было темно, но в центре большого помещения освещался круг, задекорированный под льдину.

Вдруг послышались торопливые шаги, и в павильон вошла грузная женщина со странным ободком в виде Уральских гор на голове. Она быстро спросила:

– Ты Булочкин?

И, не дождавшись ответа, продолжила:

– К Аделаиде Петровне на грим! Срочно! Костюм уже там.

Гримёрная находилась рядом. Для приличия стукнув пару раз в дверь, Митя зашёл внутрь. Возле окна спиной к двери стояла светловолосая женщина и что-то укладывала в пакет, лежащий на подоконнике. Кашлянув, Митя произнёс:

– Вы, Аделаида Петровна? Я, Дмитрий Булочкин. Мне сказали прийти на грим.

И тут всё стало происходить как в замедленной съёмке. Женщина медленно повернулась, посмотрела снизу вверх на вошедшего, беззвучно открыла рот, потом закрыла его руками и стала постепенно оседать на пол.

В голове у Булочкина промелькнула какая-то странная мысль, которую он не успел додумать до конца, потому что бросился поддержать падающую женщину. Она мешком повисла на его руке, так как была без сознания. В гримёрной не было ничего подходящего, куда можно было её положить. Поэтому опустив Аделаиду Петровну на пол, Митя выбежал в коридор и стал звать на помощь.

До этого безлюдный коридор вдруг ожил, потому что из многочисленных дверей на крик Мити стали выбегать люди. Дмитрий не знал, что делать и присел на корточки, прислонившись к стене напротив открытой двери, безучастно наблюдая, как кто-то звонит по телефону, вызывая скорую, а остальные хаотично мечутся возле неприходящей в себя гримёрши.

И тут к Булочкину снова вернулась та странная мысль, которая пронзила его, когда он подхватил эту немного полноватую, но всё ещё красивую женщину бальзаковского возраста. Мысль сверлила его мозг, но результата не давала.

Затем он обратил внимание, что возле лежащей на полу женщины на коленях стоит девушка лет двадцати и заботливо подкладывает ей под голову маленькую подушку. И снова Мите не удалось до конца додумать свою странную мысль, потому что в этот момент в коридоре появились врачи, а за ними его друг Мирослав.

Быстро оценив обстановку и поняв, что на сегодня рабочий день окончен, он схватил Булочкина в охапку и потащил к выходу. По дороге домой Дмитрий долго сокрушался о своём первом неудавшемся рабочем дне. Но Мирик его успокоил, сказав, что завтра всё утрясётся, а пока нужно ознакомиться со сценарием рекламного ролика, который он захватил с собой.

– Сегодня ты должен был рекламировать новый вид чёрного мороженого, – по-деловому сказал Мирослав.

Митя удивился и спросил:

– А разве такое бывает?

– Так это же новинка этого лета, которую мы должны сделать хитом продаж, – многозначительно ответил друг.

Вечером, когда они сидели в своей комнате и вспоминали под пиво, и купленную в магазине воблу, родной Прокопьевск, одним глазом глядя в телевизор, вдруг раздался звонок в дверь. Соседей по съёмной квартире ещё не было, поэтому Мирослав пошёл открывать. Через минуту он вошёл, но не один, а с девушкой, которую Митя сегодня уже видел в агентстве.

– Светлана, – скромно представилась девушка и огляделась в поисках места, куда можно было присесть.

– Очень приятно, Дмитрий, – ответил немного удивлённый такому визиту Митя.

Он узнал в Светлане ту девушку, которая находилась в гримёрке рядом с упавшей в обморок женщиной. Оказалось, что это была дочь Аделаиды Петровны. В отличие от матери она не была такой же красивой. Узкое остроносое лицо с неприятной улыбкой и близко поставленными глазами делали её похожей на большую лису.

– Маму увезли в больницу, я только что от неё, – продолжила Светлана. – Я пришла, узнать, что вы ей сказали, когда оказались в гримёрке.

Она пристально посмотрела на Митю.

Мирослав, который всё это время стоял в дверях, чтобы как-то разрядить вдруг ставшую напряжённой атмосферу, быстро освободил единственный в комнате стул, усадил на него Светлану и отправился на кухню, согреть чайник и сделать нехитрые бутерброды.

Оставшись с дочерью Аделаиды Петровны наедине, у Мити как-то неприятно засосало под ложечкой, и резко вспотели ладони.

Он начал рассказывать, как и почему оказался в Москве, но разговор почему-то не клеился. Мирослав, который в это время быстро накрывал на стол, тоже подключился к разговору, иногда вставляя свои реплики.

Закончив с незатейливой сервировкой, Мирик присел рядом с обескураженным другом и стал разливать кипяток по чашкам, в которых уже лежали чайные пакетики с бергамотом. В это время опять позвонили в дверь.

– А у нас сегодня аншлаг! – рассмеявшись, сказал Мирослав и снова пошёл открывать дверь.

Митя привычно хотел насыпать в чай сахар, но, не увидев на столе сахарницу, отправился за ней на кухню. Он не сразу нашёл на незнакомой кухне то, что искал, а когда вернулся, увидел, что Мирик сидит на его месте, пьёт чай и что-то весело рассказывает Светлане. Она сидела неподвижно, с напряжённым лицом и прямой спиной, молча уставившись в пространство. Вдруг она резко встала и направилась к двери.

– Спасибо за чай. Я пойду. Уже поздно.

– Я провожу, – вскочил с дивана Мирослав.

– Не надо, я вызову такси, – уже в дверях ответила девушка.

Когда она ушла, они некоторое время сидели молча. Потом Мирослав, допив остатки чая, нарушил тишину:

– А что это было? – удивлённо спросил он.

Митя недоумённо пожал плечами. Вдруг Мирослав захрипел и стал заваливаться на бок. Из рта у него появилась пена, он начал таращить глаза и хватать ртом воздух. Митя никогда не видевший ничего подобного, не шевелясь, сидел с открытым ртом, молча наблюдая страшную картину.

– Зачем? – прохрипел Мирослав и затих в неудобной позе.

– Кончай придуриваться! – сказал Митя. – Это не смешно.

Но друг продолжал оставаться всё в том же неудобном положении, и глаза его стали как будто стеклянными.

– Эй, Мирик! Ты чего? – ничего не понимая, начал беспокоиться Митя и тронул Мирослава за плечо.

Безжизненное тело друга безвольно упало на диван.

Больше всего сейчас Митя Булочкин хотел очутиться в Прокопьевске в своей скромной, но безопасной квартире, где вкусно пахнет бабушкиными пирогами. «Что же делать? – сверлило у него в мозгу. – Скорая здесь уже не поможет».

Тут его взгляд остановился на экране телевизора, где шла реклама нового Айфона. Схватив телефон, Дмитрий судорожно стал искать в памяти трубки номер деда, бывшего сотрудника КГБ. Потом, казалось целую вечность, он слушал гудки, пока на другом конце не раздался тихий и знакомый голос.

– Дед, – закричал Митя, – помоги!

– Сначала успокойся и коротко изложи ситуацию, – последовал совет.

Митя сбивчиво рассказал, как прошёл его первый день в Москве. А когда дошёл до странной смерти Мирика, не удержался и зарыдал как в детстве, размазывая горячие слёзы по щекам. Последний раз он так плакал только на могиле отца, когда его хоронили.

– Я немедленно вылетаю, – услышал он ровный голос деда, – а ты позвони в скорую и в полицию, но не со своего телефона, назови адрес и сейчас же уходи оттуда. Езжай на Курский вокзал, встречаемся там. Будь всё время на связи!

Митя схватил ещё неразобранный рюкзак, телефон Мирослава, лежащий на столе, и бросился к двери. Только на улице он позвонил в обе службы и, не дожидаясь их приезда, отправился на вокзал.

Кое-как проведя ночь в зале ожидания, он наконец дождался утра. Вокзал жил своей жизнью: люди приходили и уходили, таща на себе свои баулы, плакали невыспавшиеся дети, диктор монотонно объявлял о прибытии и отправлении поездов, а из вокзального кафе вкусно пахло утренним кофе и свежей выпечкой.

Когда у Дмитрия Булочкина закончилась последняя капля терпения, вдруг раздался телефонный звонок. Митя даже не сразу понял, что это звонит его телефон. Услышав долгожданный голос деда, он почувствовал такую всеобъемлющую радость, что еле сдержал переполнявшие его эмоции. Наверно, так чувствует себя спасшийся от смерти человек.

Они встретились в недорогом кафе рядом с вокзалом. Митя не видел деда несколько дней, но в связи с прошедшими событиями эта разлука превратилась в вечность. Григорий Николаевич, дедушка Мити, полковник КГБ в отставке ещё раз попросил внука рассказать всё как было, ничего не утаивая. И Митя снова подробно поведал о непростом для него вчерашнем дне.

Когда он заговорил об Аделаиде Петровне, дед не удержался и спросил:

– А она всё такая же красивая?

Этот вопрос как-то сразу отрезвил и встряхнул павшего духом Дмитрия.

– Дед, а разве ты с ней был знаком?

– Понимаешь, – расплывчато начал Григорий Николаевич, – я всегда знал, что когда-то наши пути пересекутся, но не ожидал, что это случится при таких трагических обстоятельствах. Рано или поздно, мне всё равно пришлось бы тебе рассказать об этом.

Дед замолчал. Митя понимал, что он собирается с духом. Но слова полковнику в отставке давались с трудом.

– Дмитрий, – начал он, – не осуждай никого после того, когда ты всё узнаешь. Обещай мне!

Митя сидел отрешённо, но, сделав над собой усилие, сказал, что сейчас готов только выслушать, а простить то, о чём он не имеет понятия, это, как говорится, Бог простит.

– Мне трудно сейчас об этом говорить, – продолжил Григорий Николаевич, – но Аделаида Петровна не чужой для нас человек.

Он старался не смотреть на Митю и не знал, куда деть свои руки.

– Твой отец очень любил Делю, то есть Аделаиду. Они хотели пожениться, но обстоятельства складывались не лучшим образом. Мы с твоей бабушкой были против этой женитьбы. Но молодость победила, родился ты, и мы готовы были смириться, как вдруг отца Аделаиды арестовали за недостачу. Он работал кладовщиком на ткацкой фабрике. Это было громкое дело. Арестовывали всех, кто был причастен не только напрямую, но и косвенно.

С каждой услышанной фразой лицо Мити становилось похожим на большой вопросительный знак, его рот чуть приоткрылся, он громко сглотнул слюну и хрипло спросил:

– Так она моя мать? Дед, ты отдаёшь себе отчёт в том, что ты сейчас сказал?

– Теперь ты знаешь главное, а сейчас нам надо подумать, как распутать этот связанный из нескольких ниток узел. Для начала мне нужно поговорить с Аделаидой Петровной. А потом разыскать Светлану. Она совершила преступление и прекрасно понимает, что ты стал его невольным свидетелем, а должен был оказаться жертвой. Только непонятно, почему Светлана пошла на это.

– Дед, а моя сестра Марина тогда, чья дочь? – спросил Митя, ещё не пришедший в себя после услышанного.

– Мариночка – дочь твоего отца и Галины, которую ты называл своей матерью. Она растила тебя с младенчества и считала своим сыном. Светлая ей память!

– Тогда почему Аделаида от меня отказалась? – вызывающе выкрикнул Митя.

– Тихо, ты, успокойся! Это теперь всё кажется просто, а раньше мы все зависели от обстоятельств. Когда отца посадили, Аделаида осталась без работы. А ведь она играла в одном из известных театров. Тебе не было ещё и года. Её мать не смогла пережить позора, упавшего на их семью, и у неё помутился рассудок. У меня в связи с этим тоже могли начаться неприятности на службе в известном тебе ведомстве. Поэтому я попросил командование перевести меня подальше от Москвы, и меня направили в Прокопьевск.

А Семён, твой отец, по моей просьбе, убедил Делю отказаться от тебя и забыть о сыне и нашей семье навсегда.

Извини, мне надо сделать пару звонков. У меня здесь остался хороший друг, с которым я не прекращал общаться все эти годы. Теперь только он сможет помочь нам.

Григорий Николаевич вышел на улицу и достал телефон. Через окно Митя видел, как он сначала улыбался, что-то говоря в трубку, но потом его лицо стало серьёзным и напряжённым.

И вдруг Дмитрий понял, что его так удивило при встрече с Аделаидой Петровной. Её глаза и взгляд. Когда она посмотрела на него, Митя подумал, что он как будто увидел себя в зеркале. Но эта мысль не успела осесть в его голове, потому что он бросился поддержать падающую женщину.

Митя, став взрослым, всегда удивлялся, почему он совсем непохож на свою мать, и почему в альбоме нет ни одной фотографии, где он совсем маленький. А ещё была тайна, о которой Дмитрий узнал случайно. Отец всю жизнь прятал в своём столе фотографию, на которой он стоял в профиль с красивой и смеющейся девушкой. Оказывается, Митя был очень похож на мать, но только её звали не Галина, а Аделаида.

Сидя в полупустом заурядном кафе и совершенно не понимая, что с ним будет дальше, Митя вдруг подумал, что, наверно, только в кино всё бывает так гладко и легко, когда человек совершенно случайно попадает в другой город и сразу становится успешным и знаменитым. А в реальной жизни всё происходит с точностью наоборот. Как жаль, что нельзя открутить время назад и сделать один шаг по-другому.

Наконец, Григорий Николаевич вернулся и быстро изложил план действий:

– Я узнал в какой больнице лежит Аделаида Петровна, мы срочно едем туда.

Расплатившись с официантом, они двинулись в сторону метро.

Все больницы выглядят одинаково, только отличаются качеством ремонта. Аделаида Петровна лежала в четырёхместной палате и, когда Григорий Николаевич зашёл, листала популярный глянцевого журнала с историями известных актёров. Увидев его, она замерла, глядя на него в упор, и в палате повисла напряжённая тишина.

Вместо приветствия она сухо спросила:

– Что вы здесь делаете? Вы наконец решили нарушить своё условие? К сожалению, вы всегда появляетесь в неприятной ситуации. Поэтому, как я понимаю, что-то случилось.

Григорий Николаевич присел на стул возле кровати и задал совершенно неожиданный для Аделаиды Петровны вопрос:

– Как вы себя чувствуете?

Она просто поперхнулась от негодования и неожиданности. Резко сев, а затем встав с кровати, она чётко произнесла каждое слово, делая ударение на слове «я»:

– Теперь я попрошу вас больше никогда меня не беспокоить! – и театрально указала ему на дверь.

Соседки по палате перестали заниматься своими делами и внимательно следили за развитием событий.

– Мы можем выйти в коридор и побеседовать без свидетелей? – спокойно спросил полковник и, быстро, не давая ей опомниться, взял женщину под локоток и повёл к двери.

Всё произошло так мгновенно, что Аделаида Петровна даже не успела ничего ответить.

Оказавшись в коридоре, она хотела продолжить свою театральную тираду, но тут увидела Митю, тихо сидевшего возле палаты.

Её тело опять обмякло, и она опустила на стул, пристально глядя на сына. Глаза женщины наполнились слезами, которые она не смогла сдержать.

– Я всё знаю. Дедушка рассказал мне обо всём только сегодня, – разрядил обстановку Митя. – Я пока не готов что-либо сказать, но одно вам обещаю точно. Я больше не исчезну из вашей жизни никогда.

Митя поднял голову и пристально посмотрел на свою настоящую мать. И тут произошло неожиданное. Они, не сговариваясь, вдруг молча обнялись, а мир замер на это время.

Счастье всегда бывает кратковременным. Неизвестно, сколько бы они так сидели, но тут в больничном коридоре показалась Светлана с пакетом, в котором угадывались яблоки и апельсины. Она спокойно шла по коридору, но, дойдя до палаты, вдруг как будто споткнулась, заметив, что перед ней не чужие, а знакомые люди, которых она явно не хотела здесь обнаружить.

Увидев заплаканную мать, а рядом с ней Митю, она резко развернулась и бросилась бежать в обратном направлении. Григорий Николаевич, несмотря на свой пенсионный возраст, показал не только быструю реакцию, но и хорошую спортивную подготовку. Он догнал Свету на лестнице и схватил её за предплечье.

– Я буду кричать, – сказала запыхавшаяся Светлана. – Вы ничего не докажете.

– А зачем? Ты сейчас сама всё расскажешь. Ответь мне, почему ты это сделала. Для этого же нужна какая-то очень веская причина.

Светлана стояла молча, опустив голову и тяжело дыша, время от времени переводя дыхание.

– Я вас всех ненавижу, – сказала она, наконец. – Только Мирослава жалко. Ну, зачем он выпил этот злосчастный чай? Я не хотела его убивать.

Её лицо скривилось в злой беспомощной гримасе.

– А теперь, давай-ка, всё по порядку! Пойдем на улицу, присядем на скамейку, и ты мне всё подробно расскажешь, – успокоившись, предложил Григорий Николаевич.

Светлана шла за полковником как на эшафот. Плечи её опустились, и она нервно кусала губы.

– Меня посадят? Но я не хотела! Всё вышло случайно. Это было мимолётное необдуманное решение.

Она сделала паузу, вздохнула и, уже смирившись с ситуацией, начала говорить:

– Я всегда чувствовала, что есть кто-то другой, кого моя мама любит больше меня. Она часто плакала втайне от меня, а ночью звала кого-то во сне, но, когда я задавала ей вопрос, что случилось, отвечала, что мне показалось.

Однажды я пришла домой и увидела, что моя мать, которая никогда не пьёт, сидит за столом и в одиночку пьёт коньяк. В бутылке уже оставалась половина, поэтому мама была словоохотлива и криво усмехнувшись, сказала: «Вот, дочь, думаешь, я сошла с ума или решила на старости лет стать алкоголичкой? Нет, я отмечаю день рождения своего сына. Ему сегодня исполнилось двадцать пять лет. Выпьешь со мной за здоровье своего брата?» Мама встала, взяла ещё одну рюмку из серванта и налила до краёв. Я присела к столу, молча выпила, а мама продолжала говорить и говорить.

И столько я узнала в тот день о своей, ставшей такой большой, семье, что неделю не могла переварить эту информацию. Теперь мама, больше не скрываясь, каждый день рассказывала мне, какой смешной был маленький Митенька, как она его любила, и какой невыносимой стала её жизнь после того, как отец Мити забрал её первенца. От этих бесконечных рассказов я стала ненавидеть своего внезапно появившегося брата, которого никогда раньше не видела, с каждым днём всё сильнее и сильнее.

Когда после обморока мама пришла в себя, она сказала, что Бог услышал её молитвы, и сегодня Митенька пришёл к ней на работу.

Я подумала, что у неё начались признаки тихого помешательства и очень испугалась за мамино здоровье.

Но, ближе к вечеру позвонил Мирослав и спросил, как себя чувствует моя мама. Я ничего не знала, Мирик сам рассказал, что к нему приехал друг Дмитрий, молодой актёр, которого он порекомендовал агентству для съёмок в рекламных роликах. Но его первый рабочий день закончился, так и не начавшись, потому что Аделаида Петровна, увидев его, упала в обморок.

И тут я поняла, что круг замкнулся. Это тот самый Митенька, по которому моя мама плачет уже двадцать пять лет. Ненависть к этому человеку настолько переполняла меня, что я больше не владела собой. Я вернулась в агентство и нашла в кладовке уборщицы банку с оставшимся крысиным ядом. В прошлом году крысы начали портить декорации в павильонах, и наше начальство заказало санобработку. Я отсыпала немного порошка в пустой конверт и после этого поехала к Мирославу.

– А дальше я знаю, – прервал её монолог Григорий Николаевич. – Пока Мирослав открывал дверь, а Митя искал сахарницу на кухне, ты добавила яд в чай моего внука, но не ожидала, что его выпьет не тот, кому он предназначался.

И тут, когда скрывать стало нечего и напряжение спало, Светлана зарыдала в голос. Гуляющие по территории больные стали обращать на них внимание. Но Григорий Николаевич сделал им знак, что всё нормально и помощи не требуется. Он достал телефон, быстро нашёл нужный номер и сказал в трубку:

– Виталий Иванович, я жду тебя по адресу, который ты мне дал.

Тут из дверей больницы вышли Митя с Аделаидой Петровной. Она крепко держала его под руку, а он осторожно её поддерживал. Увидев это, Светлана вытерла слёзы и отвернулась.

– Пусть эта счастливая картина стоит у меня перед глазами, когда я буду объяснять, почему я это сделала, – зло произнесла она.

– Мы все совершаем ошибки и всю жизнь несём за это ответственность, – задумчиво произнёс полковник. – Но преступление – это не ошибка. Это преднамеренное деяние человека. Нельзя убивать кого-то только потому, что он тебе не нравится. Ты лишила жизни человека, а у него остались родители. Как им теперь жить с этим?

В это время новоиспечённые мать и сын подошли к скамейке. Аделаида Петровна, лучезарно улыбаясь, обратилась к дочери:

– Веточка, познакомься, это Митенька, твой старший брат.

Но продолжить она не успела, к их многолюдной скамейке уже подходил мужчина с военной выправкой, чётко чеканя шаг.

– Разрешите представить вам моего друга, Виталия Ивановича. Мы с ним вместе когда-то работали в КГБ. Его опыт и связи помогут вашей, – Григорий Николаевич хотел добавить глупой, но сдержался и произнёс, – неразумной дочери смягчить наказание за убийство случайно пострадавшего человека.

Светлана молча встала и пошла к воротам больницы, оба полковника последовали за ней. Митя и Аделаида Петровна остались стоять возле скамейки.

– Давайте присядем, – предложил Митя. – У нас будет непростой разговор.

ЭПИЛОГ

Прошло много времени, прежде чем улеглись страсти, связанные с этим нелепым преступлением.

Митя сдержал слово и не бросил Аделаиду Петровну. Пока Светлана отбывает наказание, он живёт с родной матерью в московской квартире, в которой родился и рос, пока судьба не сделала крутой вираж.

Дмитрий и Аделаида Петровна уволились из рекламного агентства и устроились в недавно открывшийся молодёжный театр на Бауманской.

Скоро Новый год и они собираются отметить его все вместе. Только пока не решили, где будут праздновать: в Прокопьевске или в Москве.

Митя предложил сначала съездить в Прокопьевск, навестить родителей Мирослава и сходить на могилу друга. А потом всем вместе вернуться в Москву, потому что на Рождество намечена премьера спектакля, в которой молодой актёр Дмитрий Булочкин играет одну из главных ролей. В этом же спектакле небольшую роль играет актриса Аделаида Аркадьева.

Бумеранг

«Время не стирает из нашей памяти событий, оно только притупляет их краски», – так думала Светлана, лёжа на тюремной шконке.

Подходил к концу срок её заключения. Но, где бы она не находилась, в мастерской по пошиву телогреек или убирала снег на территории женской колонии недалеко от Оренбурга, она постоянно думала о своём внезапно появившемся брате. Вернее о том, как она отомстит ему, когда выйдет на свободу.

И только эта мысль, а не письма матери, заставляла её каждый день просыпаться и выполнять режим исправительного учреждения, а также сложившийся порядок внутри пространства, в котором она находилась.

Самое страшное, что с каждым годом её ненависть к Дмитрию не проходила, а росла как снежный ком. Только его она считала виновником всех бед. За шесть лет пребывания в колонии она настолько свыклась с этой мыслью, что превратилась в одержимого, психически больного человека.

Но Аделаида Петровна этого не знала и продолжала с артистической лёгкостью в каждом письме рассказывать об успехах Мити в театре, о ремонте, который он недавно сделал в их просторной, но начавшей разваливаться квартире. И теперь мечтала о том, как они втроём будут пить чай на кухне и делиться своими новостями.

Переехав в Москву после известных событий, Дмитрий понял, что это его город. Здесь ему было комфортно, и он чувствовал себя в московской суете как рыба в воде. Работа в театре захватила с головой, Митя не жалел себя и отдавался ей с упоением и нерастраченной в Прокопьевске энергией. Благодарный зритель повалил в театр на нового преуспевающего и очень симпатичного актёра. Аделаида Петровна играла небольшие роли и находилась в постоянном состоянии эйфории.

Дмитрий понимал, что когда-то настанет день, и Светлана выйдет на свободу. О том, что они будут делить общее пространство в квартире, не могло быть и речи. Он надеялся, что театр поможет ему с квартирой или хотя бы с комнатой. А вот как строить семейные отношения с сестрой, которая не приняла его и пыталась отравить, единокровный брат не знал.

И вот, наконец, настал тот день, когда им позвонили из колонии и сообщили, что Аркадьева Светлана Ивановна освобождена из мест заключения и прибудет в Москву на Казанский вокзал в среду утром. Митя с Аделаидой Петровной были в тот момент дома и с аппетитом поглощали поздний завтрак.

– Сегодня вторник, – первым начал говорить Митя. – У нас ещё есть время, чтобы подготовить комнату для Светы. И заодно снять комнату для меня.

– Разве мы не будем жить все вместе? – тихо спросила Аделаида Петровна. – И ты опять исчезнешь из моей жизни? Для меня эта мысль невыносима.

– Мама, мы с тобой будем видеться в театре. Ты будешь приходить ко мне в гости в любое время. Но, ты должна понимать, что Света приезжает не из загранкомандировки, а из колонии. Она была вычеркнута из привычной жизни на целых шесть лет. Бесследно это ни для кого не проходит. А я для неё являюсь тем человеком, из-за которого она туда попала.

– Да, сынок. Я это понимаю. Но мне, как любой матери хочется, чтобы мои дети были со мной. Мне жаль, что так всё случилось. Но, может быть, всё-таки передумаешь и останешься? – она жалостливо попыталась заглянуть ему в глаза.

– Нет, я уже всё решил. К сожалению, судьба не даёт нам шанса жить всем вместе под одной крышей. Извини, но встречать её я тоже не поеду. Как это ни странно звучит, но я благодарен тебе, мама, за каждый день, который мы прожили здесь вдвоём.

Аделаида Петровна не сдержалась и зарыдала. Митя подошёл к ней и обнял за плечи.

– Что я за мать, если рядом со мной нет места моим детям? – прошептала она.

Митя взглянул на старинные, висевшие на стене, часы. Стрелки часов неумолимо двигались в своём направлении, не оставляя времени на бездействие.

– Я в театр. Поспрашиваю, может, у кого-нибудь есть на примете комната, которую я бы с удовольствием снял, – сказал Митя, одеваясь.

Аделаида Петровна сидела безучастно, безжизненно свесив руки.

– Митя, я не знала, что мне всё-таки придётся рассказать тебе о том страшном периоде моей жизни, о котором я не люблю вспоминать. Пока ты жил здесь, я наконец обрела какой-то душевный покой. Хотя понимала, что Веточка сейчас страдает за все наши грехи.

Дело моего отца вёл следователь Иван Кривошеев. Очень неприятный и внешне и внутренне человек. Тогда на фабрике задержали много людей, проходивших по делу о хищении денег и махинациях с тканями. Я не защищаю отца. Он виноват и за это ответил сполна. Он умер в тюрьме, так и не выйдя на свободу. Но и мы пострадали тоже.

Сначала Кривошеев приходил к нам домой и постоянно что-то выспрашивал и записывал. Потом стал поджидать меня у театра. Когда я попросила его оставить меня в покое, он пообещал мне, что я очень скоро пожалею о своих словах. И, к моему несчастью, оказался прав, потому что руководство театра мне объявило, что не может в своём штате держать актрису, чей отец осуждён на пятнадцать лет.

С твоим отцом у нас тогда случился разлад. Я просила, чтобы он подключил к расследованию своего отца, Григория Николаевича, который работал в КГБ. Но они остались в стороне в нашей беде. Семён испугался, что теперь ему тоже везде перекроют двери. И бросил меня с ребёнком и больной матерью на руках. До всех этих страшных событий мы с Семёном жили вместе, хоть и были не расписаны.

В итоге, я осталась без денег и без поддержки. Твою няню пришлось уволить. Мама не смогла пережить этих страданий, и у неё помутился рассудок. Я стала продавать за бесценок вещи, чтобы как-то выжить.

И тут снова появился Кривошеев. Он помог устроить маму в клинику и стал обеспечивать нас едой. Они вдвоём с твоим дедом уговорили меня написать заявление и отказаться от тебя в пользу твоего отца. Я понимала, что совершаю непоправимый поступок. Но выбора у меня тогда не было.

Меня раздавили и уничтожили морально. Но Кривошеев не побоялся и расписался со мной. С этого дня начались мои другие мучения. Он стал считать, что я теперь ему обязана всем. И стал издеваться надо мной, пользуясь моей беспомощностью.

Сколько раз я хотела умереть, чтобы больше не видеть и не слышать эту пьяную мерзкую скотину.

Однажды он избил меня, и я попала в больницу. Он ползал на коленях и умолял его простить. Обещал забрать маму из больницы. Тогда её состояние улучшилось, и она могла находиться дома под моим присмотром. Я поверила и сказала врачу, что меня избили на улице, когда я поздно возвращалась домой.

Но, всё осталось по-прежнему. Правда, я стала подмешивать ему снотворное, и какое-то время прожила без побоев. Но хитрый Кривошеев что-то заподозрил и на время перестал пить.

Самым страшным известием для меня стало то, что я беременна. Я не хотела этого ребёнка. Я каждый день вспоминала своего сыночка, молилась за него и думала, Слава Богу, что я не обрекла его на такие страдания. Когда Кривошеев узнал, что у нас будет ребёнок, он остепенился. Больше не бил меня, а пить стал вне дома.

Светочка родилась слабенькая. Она была такая маленькая и тоненькая, что я стала называть её Веточка. Когда я пришла её регистрировать, то попросила записать Ветой. Но строгая регистраторша, посмотрев на меня поверх очков, сказала, что таких имён в нашей стране нет.

Немного подумав, она предложила назвать дочь Светой, а дома называть её как угодно. Кривошеев хотел сына, поэтому относился к дочке брезгливо. Когда она плакала, мне приходилось часами носить Веточку на руках, потому что я боялась, что он не выдержит и что-нибудь с ней сделает.

Аделаида Петровна сделала паузу в своём монологе и только сейчас заметила, что Митя как держал в руках рубашку, так и стоял с ней, внимательно слушая сбивчивый рассказ матери.

– Мама, я ничего этого не знал. Прости меня, я повёл себя как эгоист. Вероятно, мне всю жизнь придётся доставать скелеты из шкафа. Интересно, сколько их ещё? Чего я ещё не знаю, мама?

Утром они встретили Свету на вокзале. Странная это была встреча. Звучали дежурные фразы приветствия, но чувствовалось, что они тяготятся присутствием друг друга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.